

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Жало смерти. Фёдор Сологуб

Рассказ о двух отроках

(I коринф., 15, 56).

Два дачные мальчика забрались в глухой лесной уголок на берег реки и ловили рыбу на удочку. Речка обмелела, журчала по камням, так что во многих местах деревенские ребята легко переходили ее вброд. Дно было песочное и ясное. Один из маленьких дачников удил внимательно, другой – рассеянно, словно между прочим. Один, Ваня Зеленов, производил с первого же взгляда впечатление уродца, хотя трудно было сказать, что в нем особенно дурно: зеленоватый ли цвет лица? несимметричность ли его? большие ли и тонкие оттопыренные уши? слишком ли толстые и черные брови? или этот растущий над правой бровью кустик черных волос, за что Ваню иногда дразнили трехбровым. Все бы не беда, – но что-то искаженное чудилось в этом лице, – придавленное, злое. Держался он сутуловато, любил гримасничать и кривляться, – и так это вошло в его природу, что многие считали его горбатым. Но он был совсем прямой, сильный, ловкий и смелый, даже дерзкий иногда. Он любил лазать на деревья, разорять птичьи гнезда, и при случае охотно поколачивал маленьких. Одежда на нем была старая и заплатанная.

Другой, Коля Глебов, сразу казался красивым, хотя тоже, если разобрать, ни строгой правильности, ни особой тонкости выражения не являли его черты. Он был беленький и веселый. Когда он смеялся, под его подбородком вспухал бугорок, – и это было очень мило. Мама именно в это местечко любила целовать его. Одет он был чистенько и красиво: матросская курточка, коротенькие панталоны, черные чулки, желтые башмаки. Он был сын морского офицера, плававшего ныне за границей. Жил Коля здесь на даче вместе с мамой.

Возле мальчиков стояли две жестянки с водой. Туда мальчики бросали выловленных рыбок. Но плохо ловилась рыба...

– Красивое местечко, – нежно звенящим голосом сказал Коля.

– Что красивого? – хриплым детским баском возразил Ваня, странно дергаясь плечьями.

– Обрыв-то какой, высокий, страсть, – сказал Коля, показывая движением подбородка через реку на высокий противоположный берег, – там березки лепятся. И как они только стоят!

– Вода подмоет, – пробасил Ваня, – обрыв обвалится.

– Ну! – недоверчиво сказал Коля и посмотрел на Ваню так, словно просил не делать этого.

– Да уж верно, – со злою усмешкой сказал Ваня. Коля грустно посмотрел на обрыв: плотные, красные пласты глины высоко громоздились один на другой, точно гладко срезанные громад ною лопатой. Кое-где еле заметные трещины отделяли один пласт от другого. В иных местах, ближе к воде, виднелись небольшие углубления, словно промытые водой. Вода бежала такая жидкая, прозрачная, и так нежно плескалась о могучий обрыв.

«Она хитрая, – подумал Коля, – слизывает помаленечку. Подумать только, вся эта громадная стена, со всеми веселыми березками на ней, вдруг сползет в реку!»

– Ну, это еще не скоро будет, – сказал он вслух. Помолчали мальчики. И опять, нежный и ласковый, зазвенел Колин голос:

– А в лесу-то как славно! Смолой пахнет.

– Шкипидаром, – вставил Ваня.

– Нет, хорошо пахнет, – радостно говорил Коля. – Утром я белку видел. По земле бежала, а потом на сосну, так ловко вскарабкалась, только хвостик мелькает.

– А я дохлую ворону под кустом видел, – объявил Ваня. – Вон там, – сказал он, показывая в сторону головой и плечьями и весь корчась при этом. – Я заметил место.

– Зачем? – с удивлением спросил Коля.

– Домой приволоку, – объяснил Ваня. – Положу Марфе на кровать.

– Ведь она испугается, – опасливо сказал Коля.

– Ворона-то? Ау, брат, мертвая, – сказал Ваня таким злорадным голосом, точно ему очень нравилось, что ворона мертвая.

– Не ворона, а Марфа, – сказал Коля, слегка улыбаясь и немножко щуря веселые глаза, отчего нежное лицо его стало кисленьким, как барбарис.

– А! – протянул Ваня. – Я думал, ты говоришь, ворона Марфы испугается. Она у нас безобразная, как смертный грех. Мать красивых не держит – отца ревнует.

– О, ревнует!

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Коля протянул не вполне понятное ему слово, точно вслушивался в его звук.

– Боится, что влюбится, – пояснил Ваня и засмеялся. – Точно он на стороне не может, – злорадно сказал он.

Помолчали опять. И снова Коля сказал, но уже неуверенным голосом :

– А там какой луг красивый, вон, направо! Цветочков много, все разные, – так весь луг и пестреет. И некоторые пахнут так хорошо. Ваня глянул на него досадливо и проворчал:

– И коровы нагадили.

– Ну, на тебя не угодишь, – сказал Коля и опять улыбнулся так, что лицо у него стало кисленькое.

– Я телячьих нежностей не люблю, – сказал Ваня. – Я люблю выпить и покурить.

– Выпить? – с удивлением и ужасом спросил Коля.

– Ну да, вина или водки, – с искусственным спокойствием сказал Ваня, искоса посмотрел на Колю и сделал очень свирепую гримасу.

– Нельзя же нам пить вино, – сказал Коля, и ужас послышался в его голосе. – Это большим только можно, да и то нехорошо.

– Все это выдумки, – решительно ответил Ваня. – Навыдумывали разных правил, чтобы нами помыкать. Родители воображают, что мы их собственность. Что хотят, то с нами и делают.

– Так ведь это вредно – пить – можно заболеть, – сказал Коля.

Ваня посмотрел на него странным, смущающим взором. В его слишком светлых, словно прозрачных глазах вспыхивали янтарные искорки.

– Что? – спросил он, улыбаясь и гримасничая.

Коля засмотрелся в его глаза и забыл, что хотел сказать. Ванины глаза его

смущали, и прозрачный блеск их словно затемнял его память. Припоминая с усилием, он сказал наконец:

– Mamочка рассердится.

– Mamочка! – презрительно сказал Ваня.

– Да ведь как же не слушаться мамочки-то? – нерешительно спросил Коля.

Ваня опять посмотрел на Колю. Прозрачно-светлые Ванины глаза показались Коле странными, скверными, – и Коле стало страшно. Ваня сказал, пренебрежительно произнося ласкательные слова:

– Ну, допустим, что мамочка тебя любит, – ну что ж, ты все и будешь мамочкиной лялькой? А вот я люблю все по-своему делать. То ли дело, брат, свобода, – это не то что цветочки нюхать да мамочке букетики собирать. Да и что, – ну вот, тебе тут нравится, – ведь нравится?

– Очень нравится, как же! – сказал Коля с тихой радостью в звуке голоса.

– Ну что ж, а долго ли тут побыть, – оживленно говорил Ваня, дергаясь худенькими плечиками, – хорошо, не хорошо, – поиграем, да и в город, пыль глотать.

Коля молчал, и мысли его обратились к мамочке.

Mamочка любит Колю. Она – ласковая и веселая. Но у нее – своя жизнь. Она любит быть с веселыми молодými людьми, которые приходят часто, смеются, разговаривают бойко и шуточно, ласкают Колю, иногда подшучивают над ним, – побыть с ними Коле не скучно, он же и сам веселый, разговорчивый и доверчивый, – но они – чужие, далекие, и словно заслоняют мамочку от Коли.

– Однако не ловится, – сказал Ваня. – Да и домой пора. Приходи к вечеру на опушку.

– Ладно, – сказал Коля.

II

Мальчики понесли ведерки и удочки домой.

Они проходили по деревенской улице. Дома стояли тесно и казались бедными и неряшливыми. За ними шумела река. Крестьянские ребяташки, грязные и лохматые, играли у домов, ругались грубыми и страшными словами и плакали. Столь красивые почти у всех детей руки и ноги были так у них грязны, что жалко и противно было на них

смотреть.

У одной из дачек на скамеечке сидел любопытный господин в синей рубашке под сюртуком и в высоких сапогах. Он расспрашивал всех прохожих.

– Много наловили? – спросил он у Коли.

Коля доверчиво показал ему свою жестянку с рыбками.

– Не много, – сказал господин. – А вы где живете?

– А вон там, на горе, дача Ефима Горбачева, – сказал Коля.

– А, это Уфишка Горбачок, – сказал господин.

Коля засмеялся.

– Вы с отпом живете? – спрашивал любопытный господин.

– Нет, с мамочкой, – ответил Коля. – Папа у меня в плаванье. Он – флотский офицер.

– А ваша мама скучает? – спросил любопытный. Коля посмотрел на него с удивлением, подумал.

– Мамочка? – сказал он медленно. – Нет, она играет. Вот скоро здесь будет любительский спектакль, так она будет играть роль.

Тем временем Ваня прошел несколько дальше, потом вернулся.

– Ну, пойдём, что ли, – сказал он Коле, сердито поглядывая на любопытного господина.

Мальчики отошли. Ваня сказал, странным движением плеч и локтей показывая назад, на любопытного барина:

– Этот барин всех расспрашивает, – сволочь ужасная. О родителях, обо всем, – должно быть, в газетах пишет. Я ему здорово наврал.

В прозрачных, острых Ваниных глазах опять загорелись янтарные искорки.

– Ну, – смешливо протянул Коля.

– Я ему сказал, что мой отец в сыскной полиции служит, – рассказал Ваня, – он меня теперь страх как боится.

– Почему? – спросил Коля.

– Я ему сказал, что отец одного мошенника здесь высматривает, ну он и боится.

– Да разве он мошенник? – смешливо спросил Коля.

– А я ему приметы такие сказал, на него похожие, – объяснил Ваня, – ну он и боится.

Мальчики смеялись.

Дошли до Ваниной дачи и стали прощаться. Ванина мать стояла в саду и курила, подбочась. Она была высокая, толстая, красная, и на лице ее лежало тупое и важное выражение, какое часто бывает у привычных курильщиков. Коля боялся Ваниной матери.

Она строго посмотрела на Колю, и Коле стало неловко.

– Так приходи, – сказал Ваня. Коля проворно побежал домой.

– Приятели, – сердито сказала Ванина мать, – обоих бы вас... Не было никакой причин сердиться, но уже она привыкла сердиться и браниться.

III

После обеда мальчики опять сошлись на большой дороге, там, где она входит в лес.

– А знаешь что, – сказал Ваня, – надо тебе показать одно местечко. Доверчивые Колины глаза вдруг засветились любопытством.

– Покажи, – с восторгом промолвил он, заранее чувствуя радость чего-то таинственного и необычайного.

– Я знаю такое место, где нас никто не найдет, – сказал Ваня.

– А мы не заблудимся? – спросил Коля. Ваня посмотрел на него презрительно.

– Боишься – не ходи, – пренебрежительно сказал он. Коля покраснел.

– Я не боюсь, – сказал он обидчиво, – а только если мы долго проходим, так животы подведет.

– Не подведет, это недалече, – уверенно сказал Ваня.

Мальчики побежали в лесную чащу.

Место быстро становилось темным и диким. Стало тихо, – и страшно...

Вот и берег широкого и глубокого оврага. Слышалось, как звучал внизу ручей, но ручья сверху из-за чащи было не видеть, и казалось, что туда никак нельзя пробраться. Но мальчики полезли вниз, к ручью. Спускались, цепляясь за ветки, порой скатываясь по крутому откосу. Ветки задевали, били по лицу. Густые, цепкие кусты приходилось с усилием разбирать руками. Много было веток сухих и колючих, и, опускаясь, трудно было оберечься, чтобы не расцарапать лицо или руки. Неприятная иногда липла паутина, густая и удивительно клейкая.

– Того и гляди, разорвешься, – сказал Коля опасливо.

– Ничего, – крикнул Ваня, – не беда.

Он был далеко впереди, а Коля еле сползал.

Чем ниже спускались, тем становилось сырее. Коле было досадно и жалко, что его желтые башмачки в мокрой глине и руки испачканы глиной.

Наконец спустились в узкую, темную котловину. Ручей плескался о камни и звенел тихую, воркующую музыку. Было сыро, но мило. Казалось, что и люди, и небо – все высоко-высоко, а сюда никто не придет, не увидит...

Коля с огорченным лицом оглядывал, изогнувшись назад, свои штанишки. Оказалось, что они разорваны. Коле стало досадно.

«Что скажет мама», – озабоченно думал он.

– Не велика беда, – сказал Ваня.

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

– Да панталоны новые, – жалобно сказал Коля. Ваня засмеялся.
– А у меня так вся одежда в заплатах, – сказал он. – Мне здесь хорошего не дают носить. Лес – не гостинная, – сюда нечего, брат, новенькое надевать.
Коля вздохнул и подумал: хоть руки помыть. Но сколько он ни плескал на них холодной воды, они оставались красноватыми от глины.
– Липкая здесь она, глина-то эта, – беззаботно сказал Ваня. Он снял сапоги, сел на камень и болтал в воде ногами.
– Разорвал одежду, испачкался, руки-ноги исцарапал, – говорил Ваня, – все, брат, это не беда. Зато ты не по указке, а "что хочешь, то и делаешь".
И, помолчав, он вдруг сказал, улыбаясь:
– Сюда бы на крыльях слетать, ловко было бы.
– Жаль, что мы не скворцы, – весело сказал Коля.
– Еще мы летаем, – странно уверенным голосом сказал Ваня.
– Ну да, как же, – недоверчиво возразил Коля.
– Я нынче каждую ночь летаю, – рассказывал Ваня, – почти каждую ночь. Как лягу, так и полечу. А днем еще не могу. Страшно, что ли? Не пойму.
Он задумался.
– У нас крыльев нет, – сказал Коля.
– Что крылья! Не в крыльях тут дело, – задумчиво ответил Ваня, пристально глядя в струящуюся у его ног воду.
– А в чем же? – спросил Коля.
Ваня посмотрел на Колю долгим, злым и прозрачным взором, сказал тихо:
– Еще ты этого не поймешь.
Захохотал звонко, по-русалочьи, и принялся гримасничать и кривляться.
– Что ты так гримасничаешь? – робко спросил Коля.
– А что? Нешто худо? – беспечно возразил Ваня, продолжая гримасничать.
– Даже страшно, – с кисленькой улыбкой сказал Коля. Ваня перестал гримасничать, сел смиренно и задумчиво посмотрел на лес, на воду, на небо.
– Ничего нет страшного, – сказал он тихо. – Прежде в чертей верили, в леших. А теперь, ау, брат, ничего такого нет. Ничего нет страшного, – тихо повторил он и еще сказал еле слышным шепотом: – Кроме человека. Человек человеку волк, – прошептал он часто слышанное им от отца изречение.

IV

Ваня, посмеиваясь, вытащил из кармана начатую пачку папирос.
– Давай покурим, – сказал он.
– Ай, нет, как можно, – с ужасом сказал Коля. Ваня вздохнул и сказал:
– Уж слишком все мы, дети, привыкли слушаться, – от отцов переняли. Взрослые страх какие послушные, – что им начальник велит, то и делают. Вот бабье – те самовольнее.
И, помолчав, он сказал насмешливым и убеждающим голосом:
– Эх ты, от табаку отказываешься! Цветочки, травку, листики любишь? – спросил Ваня.
– Люблю, – нерешительно сказал Коля.
– Табак-то, – ведь он тоже трава.
Ваня посмотрел на Колю прозрачными, русалочьими глазами и, посмеиваясь, опять протянул ему папиросу.
– Возьми, – сказал он.
Очарованный прозрачным блеском Ваниных светлых глаз, Коля нерешительно потянулся за папиросой.
– То-то, – поощрительно сказал Ваня. – Ты только попробуй, потом сам увидишь, как хорошо.
Он раскурил и свою, и Колину папироску: спички нашлись в одном из его глубоких карманов, среди всякой мелочи и дряни. Мальчики принялись курить, – Ваня, как привычный курильщик, Коля – с озабоченным лицом. И он сейчас же, от первой затяжки, поперхнулся. Огненная туча рассыпалась в горле и груди, и в дыму огненные искры закружились в глазах. Он выронил папироску.
– Ну, что же ты? – спросил Ваня.
– Горько, – шепотом, растерянно сказал Коля, – не могу.
– Эх ты, неженка, – презрительно сказал Ваня. – Ты хоть одну папи-росочку выкури. Кури понемножку, не затягивайся глубоко, – потом привыкнешь.
Коля мимовольно, как неживой, всунул папироску в рот. Он сидел на земле, прислонясь к дереву спиной, бледный, со слезами на глазах, курил и покачивался. Едва докурил. Голова разболелась, тошно стало. Он лег на землю, – и деревья медленно и плавно поплыли над ним в круговом, томительном движении...
Ваня говорил что-то. Его слова едва доходили до затемненного Колина сознания.
– Когда бываешь один, – сказал Ваня, – можно сделать так, что станет ужасно приятно.

– Как же? – спросил Коля вялым голосом.

– Начнешь мечтать... Ну, да ты этого не поймешь... После расскажу... Вот сюда ты ко мне и ходи. Право, давай здесь собираться, – просил Ваня.

Коля хотел отказаться, но не мог.

– Ладно, – сказал он вяло.

Дома Коля озабоченно показал маме свои разорванные штанишки. Мама засмеялась, глядя на его опечаленное лицо: она была сегодня хорошо настроена, – ей дали ту именно роль на любительском спектакле, которую она мечтала сыграть.

– А ты вперед осторожнее, – сказала она Коле. – Вот тебе и обновка.

Коля улыбнулся виноватой улыбкой, – и мама сразу догадалась, что на его совести есть еще что-то. Мама взяла его за подбородок, подняла его голову.

– Да что ты бледный? – спросила она.

Коля вспыхнул и опустил голову, с усилием освобождаясь от маминой руки.

– Это еще что такое? – строго сказала мама и нагнулась к нему. От Коли пахло табаком.

– Коля! – сердито крикнула мама. – Что же это, от тебя табачком пахнет! Рано, голубчик! Коля заплакал.

– Я только одну папироску, – виноватым, тоненьким голосом признался он.

Маме было смешно и досадно.

– Зачем ты водишься с этим скверным Ванюшкой? Противный, лягушка зеленая, – досадливо говорила мама.

– Я не буду больше курить, – плача, говорил Коля, – а ему отец позволяет.

– То-то и хорошо, – с негодованием сказала мама.

– Он хороший, право, а что ж, коли ему позволяют, – убеждал Коля.

– Ах ты, курильщик! – сказала мама. – Чтоб никогда этого больше не было, слышишь?

VI

В эту ночь ворона приснилась Коле. Противная и страшная. Коля проснулся. Была еще ночь, – полусветлая северная ночь.

Потом Коля видел во сне Ваню, с его ясными глазами. Ваня посмотрел пристально, сказал что-то невнятное, – и у Коли сильно забилося сердце, и он проснулся.

Потом Коле снилось, что он поднялся с постели и летит под потолком. Сердце замирало. Было жутко и радостно. Тело несло без усилий.

Страшно было, что толкнешься в стену над дверью. Но это обходилось благополучно,

– Коля опускался, где надо, и в другой горнице опять всплывал под темный,

сумеречный потолок. Много было покоев, и один за другим являлись они все более

высокие, и полет в них все более жуткий и быстрый. Наконец из высокого, темного

окна, которое бесшумно распахнулось перед ним, вылетел он на свободу, поднялся

высоко под небо и, закружившись томно и сладко в его глубокой вышине,

пронизанной солнцем, оборвался, упал и проснулся.

VII

На другой день Коля как-то мимовольно очутился в том же овраге. Не хотел идти. Но пошел, словно по привычке. И там, далекие от людей, говорили они...

– Ты рассказывал вчера, – нерешительно начал Коля.

– Ну? – сердито спросил Ваня и весь передернулся.

– Вот, что ты мечтаешь, – робко сказал Коля.

– А, вот что! – протянул Ваня.

Он сел смиренно на камень, охватил колени руками и уставился неподвижным взором куда-то вдаль. И Коля опять спросил его:

– О чем же ты мечтаешь?

Ваня помолчал, вздохнул, повернулся к Коле, оглядел его со странною улыбкою и сказал:

– Ну, о разном. Самое лучшее, о чем-нибудь стыдном. Как тебя ни обидят, – сказал Ваня, – как ты ни зол, а только заведешь шарманку, все зло забудешь.

– Шарманку? – переспросил Коля.

– Я это называю завести шарманку, – объяснил Ваня. – Только жаль, что она не очень долго играет.

– Недолго? – с жалостливым любопытством переспросил опять Коля.

– Устаешь скоро, – сказал Ваня.

Он как-то вдруг опустился и усталыми, сонными глазами смотрел перед собою.

– Ну, а все-таки, о чем же ты мечтаешь? – настаивал Коля. Ваня усмехнулся криво, передернул плечами...

И так, далекие от людей, говорили они о странных мечтаниях, о жестоком, о знойном...

И лица их пламенели...

Ваня помолчал и заговорил о другом.

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

– Я один раз целых три дня ничего не ел, – сказал он. – Меня отец ни за что отдул, а я страх как озлился. Подождите, думаю, я вас напугаю. Ну и не ел.
– Да что ты? – широко раскрыв доверчивые глаза, спросил Коля. – Ну и как же ты?
– Кишки от голоду выворачивало, – рассказывал Ваня. – Перепугались дома. Опять пороть принялись.
– Ну и что же? – спросил Коля. Ваня нахмурился и сжал кулаки.
– Не выдержал, – хмуро сказал он, – наелся. Уж очень ослабел с голоду. Так напустился на еду... Говорят, можно три недели прожить, если не есть, только пить. А вот без воды живо подохнешь. Знаешь что, – давай завтра не есть, – быстро сказал Ваня.

И он пристально смотрел на Колю прозрачными, ясными глазами.

– Давай, – вяло сказал Коля, словно чужим голосом.

– Смотри, не надуй.

– Ну вот еще.

Тепло пахло хмол и папоротником, и смолистою хвоею. Колина голова слегка кружилась, и томительное безволие овладевало им. Мама вдруг припомнилась, но какая-то словно далекая, – и равнодушно подумал о ней Коля, без того прилива нежных чувств, который всегда возбуждался в нем думами о маме.

– Мать разозлится, аж побагровеет, – сказал Ваня спокойно, – но только если очень расхочется, то я в лес убегу.

И вдруг совсем другим, оживленным и веселым голосом он сказал:

– Перейдем-ка здесь вброд. Вода холодненькая.

УШ

Ванин отец, Иван Петрович Зеленеv, юрист по образованию и свинья по природе, служил в министерстве, каждый день ездил на службу на утреннем поезде и возвращался к вечеру, часто под хмельком. Это был рыжий, плотный, веселый и ничтожный человек. И мысли, и слова его были в высшей степени пошлы, – как будто у него не было никакого облика и как будто он не имел ничего настоящего и верного в себе. Разговаривая, он подмигивал зачем-то собеседнику зачастую в самых невыразительных местах. Фальшивым голосом напевал он модные песенки из опер. Носил перстень с фальшивым камнем и галстук, зашпиленный булавкою со стразом. На словах был свободолюбив, любил повторять громкие слова и осуждать правителей. На службе же был усерден, искателен и даже подловат.

Обедали поздно. За обедом Зеленеv пил пиво. Дал и Ване. Ваня пил, как взрослый.

Отец спросил:

– Ты, Ванька, для чего связался с этим дохлым чистоплюйчиком?

– Что ж такое! – грубо ответил Ваня, – уж и знакомиться нельзя. Новости какие! Ванина грубость нисколько не смутила ни отца, ни мать. Они ее даже не заметили. Привыкли. Да и сами были грубы.

– Жалоб не оберешься, – объяснил отец. – Чего ему папиросы даешь? Его мать жалуется. Да и мне, брат, накладно: на всех здешних мальчишек папирос не накопишься.

– И он совсем не дохлый, – сказал Ваня, – так только, что манеженный. А выходить он много места может, ничего. И главное, что мне в нем нравится, что он послушный.

– Ты-то у меня боец, – с гордостью сказал отец. – Так и надо, брат, – всегда старайся верх забрать. Люди, брат, большие скоты, – говорил со странным самодовольством Зеленеv. – С ними нечего церемониться. Там все эти миндальности если разводиться, – загрызут живым манером.

– Само собой, – сказала мать.

– Кто сильнее, тот и прав, – продолжал отец наставительно. – Борьба за существование. Это, скажу тебе, брат, великий закон.

Зеленеv закурил и для чего-то подмигнул Ване. Так, по привычке –

Он не думал в это время ничего такого, что вызывало бы надобность в таком подмигиванье. Ваня попросил:

– Дай папироску.

Отец дал. Ваня закурил с тем же спокойно-важным выражением, с каким он незадолго пил пиво. Мать сердито заворчала:

– Ну, оба задымили.

– Пойдем, брат, в садик, – сказал отец.

IX

Ночью Коля не скоро заснул. Странные волнения томили его. Он вспомнил, что рассказал ему Ваня о своих мечтах, – и Ванины мечты соблазнили его помечтать о том же. Как это может быть?..

Утром Коля попросил у мамочки позволения ничего не есть сегодня. Сначала мамочка обеспокоилась.

– Что у тебя болит? – спросила она.

Но потом, когда узнала, что ничего не болит, что Коля только хочет поголодать, мамочка рассердилась и не позволила.

– Ванькины затеи, – сказала она. – Уж от этого сорванца добра не ждать.

Коля признался, что они с Ваней условились сегодня целый день не есть ничего.

– Как же вдруг я наемся, а он голодный, – смущенно говорил Коля. Но мама решительно сказала:

– И думать не смей.

Коля был очень смущен. Попытался все-таки не есть, но мамочка так строго приказала, что поневоле пришлось послушаться. Коля ел, как виноватый. Мамочка и хмурилась, и улыбалась.

А Ваня точно голодал весь день. Мать сказала ему спокойно:

– Не хочешь жрать, и не жри. Поголодаешь, – не сдохнешь. А и сдох бы, – не убыток.

К вечеру мальчики сошлись в овраге. Колю поразило голодный блеск в Ваниных глазах и его осунувшееся лицо. С нежною жалостью смотрел он на Ваню, – и с почтительным уважением. И с этого часа как рабом стал он Ване.

– Жрал? – спросил его Ваня.

Коля сделал виноватое и кисленькое лицо.

– Накормили, – робко сказал он.

– Эх ты! – презрительно промолвил Ваня.

Если бы Колина мама не была так занята репетициями к назначенному на днях представлению, то она, конечно, давно бы заметила и обеспокоилась бы тем, что Коля странно изменился. Веселый и ласковый пре-Аде мальчик стал совсем другим. Неведомые раньше Коле тоскливые настроения все чаще обнимали его, – и Ваня их поддерживал. Точно он знал какие-то гибельные и неотразимые чары. Он заманивал Колю в лес и чаровал под сумрачными лесными сенями. Порочные глаза его наводили забвение на Колю, – забвение столь глубокое, что иногда Коля смотрел вокруг себя не узнаючи ми и непонимающими ничего глазами. То, что прежде было радостно и живо, казалось новым, чужим и враждебным. И даже сама мама уходила иногда в неясный сумрак далеких воспоминаний: Коля, когда захочет иной раз сказать что-нибудь о мамочке, как раньше, – вдруг чувствовал, что нет у него ни слов, ни даже мыслей о мамочке.

И природа в Колиных глазах странно и печально тускнела. Очертания ее словно смывались. И уже нелюбопытна она становилась для Коли, – ц не нужна.

Соблазняясь Ваниными соблазнами, Коля иногда курил. Не больше как по одной папироске зараз. И Ваня каждый раз давал ему заедать табачный запах мятными лепешками. Теперь табак уже не кружил Колину голову, как вначале. Но действие его стало еще пагубнее: каждый раз после курения Коля ощущал необычайную пустоту в душе и равнодушие. словно кто-то тихими, воровскими руками вынимал из него душу и заменял ее холодною и свободно стихийною русалочьею душою, дыханием бездушным и навеки спокойным. От этого он казался себе смелее и свободнее. И как-то не хотелось ни о ком и ни о чем думать.

И от куренья, и от ночных мечтаний у Коли появились под глазами синие круги. И мама заметила, обеспокоилась, стала было наблюдать за Колею, – но как-то скоро отвлеклась к другим своим веселым и праздничным заботам.

XI

Было жарко даже и в овраге. И тихо. Коля пришел в лес раньше Вани.

Сосны и ели распространяли смолистый запах, – и он слабо и ненадолго порадовал Колю. Ненадолго. Как бы привычным движением душа ответила радостью на привет природы, вечно родной и только обманчиво равнодушной, – обрадовалась вдруг, – и вдруг забыла свою радость и словно забыла даже, что есть на свете радость... Чуть плескался ручей, с недоумевающим, вопрошающим ропотом. В лесу раздавались порою тихие шорохи. Робко таясь и тая неуклонные стремления, жила своею неведомою и родною нам жизнью природа....

Коля ждал. Тоскливая скука томила его. Так много было вокруг всяких милых прежде предметов, – деревьев, трав, – и звуков, и движений, – но все это казалось словно пустым. И далеким.

Послышался шорох, далекий, тихий, – но уже Коля сразу признал, что это приближается Ваня. И Коле стало весело. Точно он был потерян и один в чужом и страшном месте, где обитает тоска, и его нашли и спасли от ее темных обаяний. Зашевелились ветки, упруго и упрямо уступая чьему-то насилию, чтобы потом опять сейчас же забыть о нем и быть по-своему, – и из зеленой чащи выглянуло, гримасничая, Ванино лицо.

– Ждешь? – крикнул он. – А у меня-то что!

Плечом раздвинул он ветки и вышел к ручью, радостный, потный) босой. В руке у него была бутылка. Коля смотрел на него с удивлением-

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

– Мадера, – сказал Ваня, показывая бутылку. – Спер! Он был радостно взволнован, и лицо его более обыкновенного подергивалось гримасами. Он говорил прерывистым шепотом:

– Отец у меня любит куликнуть. Авось не заметит, что бутылка пропала. А если, грехом, хватится, то подумает, что сам выпил. Или подумает на прислугу.

Мальчики присели у ручья на корточки и с немым восторгом смотрели на бутылку. Коля спросил:

– А как откроешь?

– Ну вот, – важно ответил Ваня. – А штопор на что?

Ваня запустил руку в карман, пошарил там и вытащил нож со штопором.

– Видишь, – сказал он, показывая нож Коле, – у меня такой нож, – тут два лезвия, а на спинке штопор.

– На спинке, – смешливо повторил Коля.

Медленно, с трудом, и радуясь этому труду, откупорили вино. Ваня отдал Коле бутылку и сказал:

– Пей.

Коля покраснел, хихикнул, сделал гримаску, поднес бутылку к губам и отхлебнул чуть-чуть. Сладко и горько, и легкая струйка лихорадочно-веселого возбуждения пробежала по Коле. Со стыдливым смешком передал он бутылку Ване. Ваня торопливо поднес бутылку к губам и сразу отпил много. Глаза у него заблестели.

– Что ты помаленьку, – сказал он, передавая Коле вино, – ты сразу побольшехвати, увидишь, как хорошо.

Коля уже смелее выпил, сколько мог больше сразу. Но уж слишком много, так что закашлялся. Стало вдруг страшно и жутко. Лес плавно и медленно поплыл перед его глазами. Потом сразу стало весело.

Передавая вино один другому, они пили по очереди, то большими, то маленькими глотками. И оба скоро опьянели. Ваня усиленно гримасничал. Мальчики громко хохотали. Коля закричал с диким хохотом:

– Лес пляшет!

– Пляшет, пляшет! – вторил ему Ваня.

– Смотри, какая смешная птица! – кричал Коля.

И все, что они видели, возбуждало их веселость и казалось им смешным. Они – возились, плясали. Дикие шалости внушала им их буйная веселость. Они ломали деревца, царапали друг друга, и все их движения были неожиданны и нелепы, и в глазах у них все было туманно, несвязно и смешно.

Бутылку они куда-то бросили. Потом вспомнили о ней, стали искать, да так и не нашли. Ваня говорил:

– Там еще было вино. Жаль, что потеряли.

– Будет, и то опьянели, – сказал Коля, хохоча.

Ваня присмирел. Буйная веселость упала. И его изменившееся настроение тотчас же передалось Коле. Ваня сказал расслабленно-пьяным, жалующимся голосом:

– Завтра выпили бы. Башка трещит.

Коля лег под деревом на траву. Лицо у него побледнело. Казалось ему, что что-то внутри его поднимает его, вертит, несет... куда?

– Давай купаться, – сказал Ваня. – Вода освежит, хмель соскочит.

Мальчики разделись, вошли в воду и чуть не утонули в ручье. Вода все толкала их под колени. Они хохотали, падали на четвереньки и глотали воду. Вода попадала и в нос, и в горло. Было страшно и смешно. Наконец кое-как они выбрались и с неистовым хохотом повалились на траву.

Принялись одеваться. Ваня спросил:

– Хочешь, я два кораблика спущу?

– Ну спусти, – сказал Коля. – А где кораблики?

– Да уж найду, – ухмыляясь, ответил Ваня.

Он вдруг схватил колины желтые башмаки и бросил их в ручей.

– Смотри-ка, два кораблика, – закричал он с громким хохотом.

Башмаки, прыгая через камешки, стремительно уносились. Коля взвизгнул и побежал за ними, но видно стало сразу, что не догнать, – да и кусты мешали, и ноги не служили. Коля сел на землю и заплакал.

– Зачем ты их бросил? – упрекал он Ваню.

– Ну вот, сам же сказал: пускай, – со злою усмешкою оправдывался Ваня.

– Как же я теперь пойду домой? – горестно спрашивал Коля.

– А вот так же, как и я, – ответил, посмеиваясь, Ваня.

Его прозрачно-светлые глаза шурились и смеялись. Он сделал Коле гримасу и побежал вверх по склону, быстро, карабкаясь, словно кошка. Коля поспешал кое-как за ним, плача и царапая ноги.

«Домой бы поскорее добраться», – горестно и стыдливо думал он.

Но, едва выбрались они на дорогу, опять стало ему весело, и все приключение с вином, купаньем, башмаками казалось ему забавным.

XII

Вечерело, а Коли все еще не было. Уже Колина мама начала беспокоиться. Послала служанку к соседям. Служанка вернулась и сказала:

– И Ванюшки еще у Зеленевых нет.

– Вместе шляются. Вот я ему задам, – сердито сказала Колина мама.

А сама была испугана. Мало ли что могло случиться. Воображение рисовало ей страшные картины Колиной гибели.

Она стояла у калитки и озабоченно смотрела на дорогу. Сзади послышался быстрый и тихий топот чьих-то ног. Мама обернулась. Это был Коля: он прибежал задворками. Мама ахнула.

– Коля, в каком ты виде! Рукав у курточки оборван. Башмаки где? Коля весело засмеялся, махнул рукою и сказал:

– Башмаки уплыли... далеко.

И неверный, хриплый звук его голоса ужаснул маму. Коля еле ворочал языком, был бледный, но очень веселый, и принялся быстро, но сбивчиво и неясно рассказывать свои приключения. И ему было так странно, что мама не смеется его веселому рассказу.

– От тебя вином пахнет! – горестно воскликнула мама. Ее пьяный мальчик казался ей столь страшным, что ей как-то не верилось. А Коля радостно рассказывал:

– Мы, мамочка, мадеру пили, в овраге, страсть вкусно. И кораблики спускали, – целых два кораблика. Как весело-то было, – прелесть что такое!

Мама была в ужасе, а Коля болтал неудержимо. Наконец мама кое-как уложила Колю спать. Он скоро заснул. Мама пошла к Зеленым.

XIII

Когда Александра Дмитриевна пришла к Зеленым, глава дома сказал своей жене:

– Разбирайтесь сами, как знаете. И ушел на мезонин.

– Ваш Ваня дома? – спросила Александра Дмитриевна, задыхаясь от волнения. – Он напоил моего сына.

Зеленева покраснела, подбоченилась, злобно засмеялась и сказала:

– Как же, дома. Дрыхнет. С вашим сынком, видно, они здорово выпили, – винищем так и разит. А что напоил, так это еще кто кого. Худ-худ, а – только таких дел за ним пока еще не было до приятного знакомства с вашим сынком.

Обе женщины принялись осыпать одна другую упреками и бранными словами. Глебова говорила:

– Ваш сын – самый отчаянный сорванец из всех дачных мальчиков.

Нельзя так распускать мальчика.

– Чего вы лааетесь! – грубо ответила Зеленева. – Ваш соколик тоже, видно, хорош, что и говорить. Сапоги сегодня пропил, – чего уж тут. Хорош мальчик.

– Как пропил! – с негодованием вскрикнула Глебова. – Ваш Ваня их в ручей бросил.

Зеленева злорадно засмеялась.

– Эка беда! – сказала она, – напилась! Не каждый день случается, слава богу. Ваш Коля авось не размокнет. Проспится – очухается.

Александра Дмитриевна заплакала. Зеленева посмотрела на нее с презрительным сожалением.

– Да вы не сердитесь, – сказала она примирительно. – Мы его этому не учим. С ребятами чего не бывает, – под колпак их не посадишь, – и набедокурят иногда. Нашему Ваньке, само собой, дерка будет. А вашего болванчика вы облобызайте хорошенько, – он вам завтра ручьи слезные напустит от раскаяния. И больше нам нечего разговаривать.

Повернулась и ушла.

XIV

На другой день, когда Ваня проспался, отец высек его. Было это рано утром, но соседи слушали с удовольствием, как Ваня ревел низким, злым голосом.

– Я его утоплю, – сказал Ваня после наказания. Но уже его не слушали. Отец торопился на поезд. Мать провожала... Отец уехал. Ваня долго лежал в чулане, неподвижно и молча. Потом встал и пошел из дому. Мать закричала на него:

– Ванька, не смей уходить сегодня. Сиди дома.

– Нашли дурака, – грубо ответил Ваня. – Стану я сидеть. Он открыл калитку и побежал по улице. Мать погналась было за ним, но сразу видно было, что не догнать.

– Марфа, – закричала она служанке, которая, весело ухмыляясь, выглядывала из

кухни, – забеги проулком, поддержи его.

– Подрал, где его догонись, – ответила Марфа и захохотала. Бессильная хозяйкина ярость потешала ее.

– Вернись ты у меня, мерзкий мальчишка, – кричала Зеленева вдогонку сыну.

XV

Ваня сидел на берегу лесного ручья, мрачно смотрел на воду и думал какие-то жестокие мысли. Он шептал порою:

– Камень на шею, в мешок да в воду.

Вся его злоба и ненависть сосредоточились на Коле. Желание Коли-смерти томило и радовало его.

Утопить! А как его засунешь в воду?

Да и зачем? Лучше бы так сделать, чтобы он сам утонул. Он послушается. Его можно заставить, заговорить, заворожить.

Злая улыбка жестокою гримасою исказила Ваню лицо. Он побежал лес и закричал громко:

– Ау, ау!

Никто не отозвался.

«Это пусть будет ночью, – подумал Ваня. – Он утонет, а я скажу, что спал в это время».

И радостно стало Ване.

«Из дому тишком уйду», – думал он.

XVI

Коля, выспавшись, со стыдом и ужасом вспомнил вчерашнее. Долго плакал он в мамочкиных объятиях, раскаиваясь и давая обещания никогда больше не делать ничего такого. И мамочка успокоилась. Она очень была занята своими репетициями.

А Колю опять тянуло в лес. Он улучил время, убежал и пробрался к оврагу.

Ваня встретил Колю злым, мстительным взглядом.

«В мешок бы тебя да в воду», – опять подумал он.

Но он скрыл свою злобу и принялся рассказывать Коле, как его наказали. Коля слушал его с нежною и робкою жалостью. Заметив это, Ваня засмеялся и сказал:

– Мне нипочем. Со мною что хотят пусть делают, – вот-то ничуть не боюсь. Да ведь и за дело выдрали. Воровать не велят. Берегут людишки свое добро. А хочешь воровать – не попадайся.

Мальчики сидели на корточках на берегу реки и задумчиво смотрели в воду.

Плескалась рыба, словно тесно было ей там, в прохладной и прозрачной воде.

Вились над водою мошки. Все было, как всегда, равнодушно, красиво в общем, однообразно в подробностях, и не| весело.

Ваня притих. Печально шептал он:

– Знаешь, что я тебе скажу, – я не хочу жить.

Коля с удивлением посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

– А как же? – спросил он.

– Так же, – спокойно и словно насмешливо ответил Ваня. – Умру, да и вся недолга. Утоплюсь.

– Да ведь страшно? – испуганно спросил Коля.

– Ну вот, страшно. Ничего не страшно. А что и жить! – говорил Ваня, устремляя на Колю неотразимо-прозрачный взор своих чарующих глаз. – Подло жить здесь, на этой проклятой земле. Человек человеку волк здесь, на этой постылой земле. И что страшно? Захлебнуться недолго, – и живо очутишься на том свете. А там все по-другому.

– По-другому? – робко и доверчиво спросил Коля.

– Совсем по-другому. Подумай только, – 'убежденно говорил Ваня, – Вот, если ты любишь путешествовать...

– Люблю, – сказал Коля.

– Так вот, – продолжал Ваня, – куда ни придешь ты на земле, – всё реки, деревья, трава; все, все, брат, одно и то же. А там, за гробом, совсем, совсем не похожее. Что там, я не знаю, и никто не знает, – но разве тебе здесь нравится?

Коля молча покачал отрицательно головой.

– Да, здесь гадко жить, – продолжал Ваня. – Что, тебе страшно умереть? Смерти боишься? Это у нас, на земле только смерть, мы все умираем, – там нет смерти.

Здесь не пожуешь долго, так и умрешь, – от кусков каких-то глупых, и от тех зависишь, – а там свобода. Вот у тебя теперь тело. От него муки сколько.

Обрежешь – больно. А там ничего этого не будет. Тело сгниет, – на что оно? Будешь свободный, – и никто тебя не возьмет.

– А мама как же? – спросил Коля.

– Какая мама? – убеждающим голосом отвечал Ваня. – Она тебе приснилась, может

быть. У тебя мамы нет. Все это только кажется, а на самом деле ничего нет, обман

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

один. Подумай сам, если бы все это было на самом деле, так разве люди умирали бы? Разве можно было бы умереть? Все здесь уходит, исчезает, как привидение. Коля отвел глаза от Ваниных холодных и прозрачных глаз и с недоумением посмотрел на свое тело.

– Как же? – сказал он, – все-таки тело.

– Ну, что тело! – возразил Ваня. – Над ним смеются, – чуть где если волос не там вырос, или бородавка, или глаза косят, – все смеются. И бьют, – больно бьют. Ты думаешь, часто бьют, так привык? Нельзя привыкнуть. Что больно, это вздор. А к обидам не привыкнешь. А там тебя никто не обидит. Никто тебе не велит, не забранит, не упрекнет. Что хочешь делай. Все можно. Это здесь на земле все так, – лишний шаг сделаешь, бутылку с места на место перенесешь – уж ты и вор, позорят тебя.

Ваня говорил, а Коля смотрел на него доверчивыми, покорными глазами. И обиды, о которых говорил Ваня, больно мучили его, – большее, чем если бы это были его собственные обиды. И не все ли равно, чьи обиды!

Какая-то черная птица пролетела над детьми, и ее широкие крылья двигались быстро, бесшумно. Ваня говорил печальным и тихим, но неотразимо-убеждающим голосом:

– Какую-нибудь жидкость проглотишь – уж ты точно другой стал. Там ничего этого нет. Ни ты ничему, ни тебе ничто не повредит. Хорошо там. Здесь на людей смотришь – одному завидуешь, другого жалеешь, – все сердце в занозах. Там ничего этого нет.

И долго говорил так Ваня, – и Коля все более очаровывался печальным звуком Ванина голоса и скорбною прелестью его наговоров.

Ваня замолчал, – чары его голоса, как легкий дым из потухшего кадила, казалось, расточились в смолистых лесных ароматах. Он смотрел куда-то далеко, усталый и безмолвный, и Коле захотелось вдруг возразить ему так, чтобы это было последнее и сильное слово. Вечно-радостное и успокоительное чувство осенило его. Он поднял на Ваню повеселелые глаза и сказал нежно-звонким голосом:

– А Бог?

Ваня повернулся к нему, усмехнулся, – и Коле опять стало страшно. Прозрачные Ванины глаза зажглись недетскою злобою. Он сказал тихо и угрюмо:

– А Бога нет. А и есть, – нужен ты ему очень. Упадешь нечаянно в воду – Бог и не подумает спасти.

Коля, бледный, слушал его в ужасе.

XVII

Деревенские ребяташки вздумали подразнить Ваню. Они кричали друг другу:

– Ребята, вон трехбровый идет, – его драли сегодня.

– Сняли штаны, дали дранцы.

На Ваню посыпались грубые и обидные слова. Ваня остановился. Он смотрел молча на ребяташек ясными, словно змеиными глазами, неподвижными, круглыми. Дети примолкли и боязливо тарасили на него глупые, непонимающие глаза. Откуда-то из-за угла стремительно выбежала баба. Она схватила ребят, как-то всех сразу, в охапку и, сердито бормоча что-то, потащила прочь.

– Еще сглазит, проклятый, – ворчала она.

– Что ты, тетка? – спросила соседка.

– Глаз у него нехороший, – шепотом объяснила баба. Ваня слышал. Он усмехнулся невесело и пошел дальше. Был уже вечер, и отец спал после обеда, когда Ваня вернулся домой. Он принес матери корзинку с земляникою.

– Я тебе задам дерку, – свирепо говорила мать, – верно, утренней мало.

– Ягодки не съел, все тебе сберег, – жалким голосом тянул Ваня.

– Где корзинку взял? – спросила мать сердито, но уже менее свирепо.

– Нешто бить будешь? – плаксиво спросил Ваня. – Я-то старался.

– А как смел уйти! – крикнула мать.

– А коли меня в лес тянуло, – жалобно говорил Ваня.

– Ужо вот отцу скажу, – довольно уже спокойно сказала мать. – Садись, ешь, коли хочешь.

– А отец спит? – с понимающей усмешкою спросил Ваня. Он уселся за стол и

принялся есть с жадностью. «Проголодался», – с жалостью подумала мать.

– Пообедал! завалился до чаю, – сказала она. – Пьяненький вернулся. Не плоше, как и ты вчера. В папеньку сыночек.

Она курила, подбочась, и глядела на сына с нежностью, смешною и как бы неуместною на ее грубом и красном лице. Ей стало жалко, что его сегодня прибили из-за того «дохлого».

«И так – зеленый, – думала она. – Да он у нас – молодец, – утешила она себя, – на воздухе живо поправится».

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

– Подпоили? – спросил Ваня и подмигнул матери на соседнюю комнату, откуда слышалось тяжелое дыхание спящего.

– Не иначе как Стрекалов затянул, – отвечала мать. – Уж это такие подлые людишки.

Она говорила с сыном совсем запросто, на равных правах, не стесняясь.

ХУШ

Теперь каждый раз, как мальчики сходились, у них начинался разговор о смерти. Ваня хвалил и смерть, и загробную жизнь. Коля слушал и верил. И все забвеннее становилась для него природа, и все желаннее и милее смерть, утешительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождает, и обещания ее навеки неизменны. Нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть. И если страшно людям имя смерти, то не знают они, что она-то и есть истинная и вечная, навеки неизменная жизнь. Иной образ бытия обещает она – и не обманет. Уж она-то не обманет.

И мечтать о ней сладостно. И кто сказал, что мечтания о ней жестоки? Сладостно мечтать о ней, подруге верной, далекой, но всегда близкой.

И обо всем начал забывать Коля. От всех привязанностей отрешалось его сердце. И мама, прежде милая мама, – что она? И есть ли она? И не все ли на этой земле равно неверно и призрачно? Ничего нет здесь истинного, только мгновенные тени населяют этот изменчивый и быстро исчезающий в безбрежном забвении мир.

Очарование Ваниных взоров, одно глубоко внедрившееся в Колину душу, каждый день влекло его в лес, в овраг, где журчит ручей о том же, о чем говорят ему Ванины прозрачно-светлые глаза, наводящие забвение.

И глубже, и глубже забвение, и сладостнее оно.

И когда Ваня долго смотрел на Колю глазами ясными и неподвижными, – под этим беспощадным взглядом так обо всем забывал Коля, как забывают обо всем в объятиях самого утешительного из ангелов – в объятиях ангела смерти.

А Колин ангел смерти гримасничал и таил злые мысли. Порочны и жестоки были его мечты и прежде, – но теперь они приобрели особую остроту. Он мечтал о смерти, – о Колиной смерти, а потом и о своей. И в безумных мечтаниях, воображая жесточайшие предсмертные мучения, проводил он томительные ночи.

Соблазняя, соблазнил он и себя самого смертным соблазном, – своим ядом отравленный отравитель.

Вначале он хотел отравить Колю и уйти. Потом уже он не думал о том, что уйдет. Пленили его мечты о смерти.

И Колины мечты и сны стали столь же безумны. Как будто бы одни и те же, переходили они от одного к другому.

ХІХ

Однажды днем встретились они у лесной опушки. Лицо у Вани было бледное, с отеками.

– Что ты бледный? – спросил Коля.

– Я нынче много мечтал, – рассказал Ваня.

Помолчали мальчики. Ваня огляделся кругом – не видать ли кого, – и сказал:

– Я знаю глубокое место. Как упадешь, так сразу и утонешь –

– А где оно? – спросил Коля.

Ваня засмеялся и показал Коле язык.

– Нет, – сказал он, – я тебе не покажу раньше, а то ты один уйдешь. А я хочу вместе с тобою.

Ваня обнял Колю и сказал злым и тихим голосом:

– Вместе с тобою, миленький.

Близко-близко от себя увидел Коля ясные, бессмысленные глаза, – и, как всегда, от этих глаз темное забвение окутало его. Все забылось, ни о чем не хотелось думать, – бездна в глазах...

Мальчики условились – уйти сегодня ночью и умереть.

– Сегодня мама играет, – сказал Коля.

– Вот и хорошо, – ответил Ваня.

И слова о маме не пробудили в Коле никакого чувства.

Ваня усмехнулся и сказал Коле:

– Только ты, как пойдешь, так крест дома оставь, – не надо его.

Ваня ушел. Коля остался один. Он не думал о Ваниных словах. Не то чтобы забыл. Тоска от этих слов осталась, и в глубине души затаились ядовитые слова.

Они жили и возрастали сами, а Коля жил, как всегда, обычными впечатлениями:

мама, поиграть, качели, к речке сбегать, на улице мальчики, – все прежнее.

Но только все прежнее было страх как незанимательно. Скучно. Только надо, чтобы мама не видела, что скучно.

И кисленькая улыбочка, прежняя, привычная, всегда была у Коли навстречу маме.

XX

Настала ночь. И она была печальная, тихая, темная, длинная, как последняя ночь. Мама сегодня играла в театре. Ее любимая роль досталась ей, и это было первое представление. Мама была так рада. Она ушла сразу после обеда и не вернется: после представления – танцы до четырех часов. Коля будет уже спать, когда мама вернется.

Служанка напоила Колю чаем, уложила его, замкнула двери и ушла гулять. Коля остался один. Не в первый раз. Он не боялся.

Но когда звук замкнутой двери, легкий металлический звук, достиг его уха, чувство холодного отчуждения охватило его.

Он полегал в постели, на спине, глядя в темный потолок темными глазами.

«А мама?» – отрывочно подумал он.

«А мамы нет», – не то сказал кто-то, не то припомнились чьи-то слова.

Коля усмехнулся, тихо слез с кровати и начал одеваться. Он взял было башмаки, но припомнил, что земля теперь влажная, прохладная, – она обласкает ноги мягкими прикосновениями.

Мать сыра земля!

Коля бросил башмаки под кровать и подошел к окну. Полная луна, светло-зеленая и некрасивая, стояла на небе. Казалось, что она прячется за вершинами деревьев и подсматривает. Ее свет был тихий, неживой, и сквозь ветки проникал ворожащими и робкими лучами...

Ваня задворками прошел в сад Колиной дачи. В окнах везде было темно. Ваня тихонько стукнул в Колино окно. Оно открылось. Коля выглянул, – и он был бледный, и улыбался кисленькою улыбкою. Лунный свет падал прямо на Ванино лицо.

– Ты – зеленый, – сказал Коля.

– Уж какой есть, – отвечал Ваня.

Лицо его было спокойно и безвыразительно, словно неживое. Только жили глаза и блестели жидким, прозрачным блеском.

– Пойдем, что ли, – сказал он, – пора.

Коля, неловко цепляясь белыми маленькими руками за подоконник, вылез из окна.

Ваня помог ему, – поддержал.

– Обулся бы, холодно, – сказал Ваня.

– А ты-то как же? – возразил Коля.

– Я-то ничего. Я не боюсь, – сказал Ваня и усмехнулся невесело.

– Ну и я тоже, – тихо сказал Коля.

Мальчики вышли из сада и пошли полем, узкою межою, к темневшему невдали лесу.

Ваня шептал:

– Видишь, луна какая ясная. Там тоже люди были, да все умерли. Еще когда земля солнцем была. На луне тепло было, и воздух, и вода, дни и ночи сменялись, трава росла, а по траве-то, по росе, бегали веселые, босые мальчики. Ау, брат, все умерли, застыли, – кто их пожалует!

Коля повернул к Ване лицо с кисленькою – грустною, – улыбкою и шепнул:

– Вот и мы умрем.

– Только ты не кисни, – хмуро сказал Ваня. – Еще заплачешь. Тебе холодно?

– Ничего, – тихо ответил Коля. – Скоро придем? – спросил он.

– Сейчас.

Мальчики сошли к реке. Здесь она теснилась между берегами: там – стена обрыва, этот берег опускался к воде крутым склоном. Несколько больших камней лежали на берегу и в воде у берега. Было тихо. Луна, ясная и холодная, висела над обрывом, смотрела пристально и ждала. Вода казалась неподвижною и темною. Деревья и кусты застыли в молчании. В траве виднелись мелкие, некрасивые цветы, зловещие и белые.

Ваня пошарил около одного из береговых камней и достал два сачка с обломанными ручками. Он привязал к их краям по бечевочке – вышло как две сумочки, – и положил в них по камню.

– Две торбочки, – тихо сказал он.

На широком и низком прибрежном камне, похожем на могильную плиту, стояли рядом два мальчика, и оба с равным страхом глядели на темную воду. Завороженные, стояли они, и уже не было им дороги назад. И у каждого на груди, надавливая бечевкой шею, висело по сумочке с камнем.

– Иди, – сказал Ваня, – сначала ты, потом я.

– Лучше вместе, – робко-звенящим голосом ответил Коля.

– Вместе так вместе, – решительно сказал Ваня и усмехнулся. Ванино лицо разом осунулось и потемнело. Холодное предсмертное безволие отяготело над ним...

Коля хотел перекреститься. Ваня схватил его руку.

– Что ты, нелзя, – сердито сказал он. – Ты все еще веришь? Ну, вот, если Он тебя спасти хочет, пусть эти камни в торбочке сделаются хлебом.

Жало смерти. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

Коля поднял глаза к небу. Мертвая луна тупо глядела на него. В бессильной душе не было молитвы. Камень остался камнем...

Коля заметил над собою тонкую ветку с маленькими листочками. Она выделялась на синем небе черным, очень изящным рисунком.

«Красиво», – подумал Коля.

Кто-то шепотом позвал сзади, – словно мамин голос:

– Коля!

Но уже некогда было. Уже тело его наклонялось к воде, все быстрее падало.

Коля упал. Раздался тяжелый плеск. Брызги, холодные и тяжелые, осыпали Ванино лицо.

Коля утонул разом. Холодная тоска охватила Ваню. Неодолимо потянуло его вперед, за Колею. Лицо его исказилось жалкими гримасами. Странные судороги пробежали вдруг по его телу. Он весь изогнулся, словно вырываясь от кого-то, кто держал его и толкал вперед. И вдруг он вытянул руки, жалобно крикнул и упал в воду. Вода раздалась и плеснула, брызги взлетели, темные круги пробежали по воде, умирая. И стало снова тихо.

Мертвая луна, ясная и холодная, висела над темным обрывом.

1904 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!